

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. В. Полехов

ЛЕТОПИСНАЯ «ПОВЕСТЬ О ПОДОЛЬЕ»¹

Исходным пунктом повествования служит поход Ольгерда «в поле» и разгром «отчичей и дедичей» Подольской земли — татарских «князей» Хачибей, Кутлубуги и Дмитрия «на Синей воде», который, по мнению автора, открыл литовским князьям Кориатовичам путь на Подолье. Этот рассказ породил обширную историографию, в которой были найдены аргументы как за, так и против появления и утверждения Кориатовичей на Подолье в начале 60-х годов XIV в. [Batūra; Шабульдо; Kurtyka, 2011, s. 98–101]. Как бы то ни было, современные событиям источники подтверждают историчность фактов сражения у Синей Воды², существования Хачибей, Кутлубуги и Дмитрия [Kuczyński, s. 162–166; Batūra, p. 271–279; Bratianu; Мьц; Галенко, с. 136–143], присутствия в землях Южной Руси баскаков, участвовавших, как и в других русских землях, в сборе дани [Маслова; Halperin, p. 33–39]. О самих фактах взимания татарами дани с Подолья (или по меньшей мере такой возможности [Šabuldo, p. 18–20; Белецкая]) и существования там атаманов (правда, уже в качестве сельской администрации)³ ретроспективно свидетельствуют позднейшие сведения. Трех татарских «князей» автор «Повести» называет «отчичами и дедичами» Подольской земли, чтобы подчеркнуть их исконные права на эту землю: в конце XIV — первой половине XV в. концепция «отчины», «отцовского наследия» была важнейшим элементом легитимации прав Гедиминовичей на престол и владения⁴. Занятие Подолья автор связывает не просто с крупным сражением, которое выиграл литовский правитель Ольгерд. Таким образом он лишь создал там вакуум власти, но этим его роль в занятии Подолья не исчерпывается: после его победы Кориатовичи идут в Подольскую землю не только с его санкции («со князя великого Олгирдивым презволением»), но и «с помочию Литовския земли». Это позволяет им закончить освобождение Подолья от татарской власти («выхода не почали давати») и по соглашению с местной администрацией (атаманами) вокняжиться

¹ Окончание, начало см. № 1 (55). С. 33–42.

² ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 75. Эта запись восходит к тверскому летописанию второй половины XIV в. [Насонов].

³ Если в источниках XV в. атамань фигурируют в качестве сельской администрации [Грушевский, 1905, с. 367; Łowmiański, s. 190], то в «Повести о Подолье» они — если принимать чтение Слуцкого и Супрасльского списков — начальствуют над баскаками: «А то си три браты, татарския князи, отчичи и дедъчи Подолскои земли, а от них завѣдали втамони, а боискаки, приездыючи от них, утамонъвъ, имывали ис Подольскои земли дань» (ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 66. Знаки препинания изменены по смыслу).

⁴ Скажем, на переговорах с верховным маршалом Ордена в 1413 г. Витовт заявил, что Пруссия вплоть до р. Оссы — это его «отчина» (veterlich erbe), и спросил, какова «отчина» Ордена (Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882 (далее — CEV). № 529. P. 257). Здесь важны не сами претензии Витовта, в которых ученые уже не склонны видеть его реальную внешнеполитическую программу, а способ аргументации.

там. Последовательность повествования подчеркивает причинно-следственную связь между этими событиями, которую неубедительно пытался отрицать Ф. М. Шабульдо [Шабульдо, с. 60–61]. Примечательно упоминание «Литовской земли», то есть деперсонализованного понятия государства: автору «Повести» важно было доказать принадлежность Подолья не какому-либо конкретному правителю или ветви Гедиминовичей (ведь польский король Владислав Ягайло — тоже Гедиминович, сын Ольгерда), но именно Великому княжеству Литовскому. Уже анализ начальной части «Повести» заставляет думать, что ее автор более или менее ориентировался в подольских реалиях, хотя допускал и ошибки: согласно его утверждению, у Кориата было четверо сыновей, тогда как современные источники сообщают по меньшей мере о семерых — Юрии, Льве, Александре, Борисе, Константине, Федоре и Василии [Tęgowski, 1999, s. 166–188] (более правдоподобной выглядит версия о происхождении Д. М. Боброка-Вольнского не от Кориата, а от князей Острожских [Кузьмин, с. 720–729]). При этом известие о держании Кориатом Новгородка автор «Повести» мог позаимствовать из рассказа «Летописца великих князей литовских» о Гедиминовой раздаче уделов сыновьям.

Согласно «Повести», Подольская земля не была освоена татарами: об этом говорит даннический характер ее отношений с «князьями» и отсутствие там крепостей. Кориатовичи же не только освобождают Подольскую землю от власти татар, но и осваивают ее, строя там «города» (крепости) — опорные пункты литовской власти. При этом названы замки лишь западной части Подолья, являвшейся предметом конфликта с Польшей, — Смотрич, Бакота и Каменец. Этот рассказ имеет под собой реальные основания, но трактует их в пользу Кориатовичей. Так, дань «оу Татары» продолжала собираться и при Кориатовичах (другое дело, насколько регулярно это происходило) [Šabuldo, p. 18–20; Белецкая]. Как показали археологические исследования XIX–XX в., неподалеку от города Бакоты действительно находился скальный монастырь («были черниці в горе»), возникший не позднее XII в., а на некотором отдалении от древнерусского города и детинца, пришедшего в упадок в XIII в., в следующем столетии был построен каменный дворцовый комплекс⁵. Возможно, тогда же, в XIV в., на новом месте была отстроена крепость, разрушенная в ходе Луцкой войны 1431 г.⁶ В то же время раскопки свидетельствуют о непрерывном существовании крепости в Каменце начиная с рубежа XII–XIII в. и нескольких этапах ее модернизации на протяжении XIII–XVI в. [Пламаницька], так что Кориатовичи должны были найти уже имеющуюся крепость, а не «остров», который пришлось расчищать от леса. Вместе с тем доля истины в последнем сообщении есть: всякий, кто бывал в Каменце, знает, что нынешняя крепость, на месте которой находилась и крепость времен Кориатовичей, стоит на природном скальном «острове».

Историки неоднократно отмечали несоответствия между сведениями «Повести» о княжении Кориатовичей и сообщениями других источников. Первый такой момент — рассказ о поездке Константина Кориатовича к польскому королю Казимиру III Великому и несостоявшемся браке князя с королевской дочерью. На мысль о возможных документальных источниках этого сообщения наводит упоминание «клеитовных листов» «со великою твердостью», то есть проезжих («опасных») грамот, скрепленных печатями: теоретически после возвращения Константина эти «листы» сохранились и попали в архив великокняжеской канцелярии⁷. Однако

⁵ В начале 80-х годов XX в. при строительстве Могилев-Подольской ГЭС значительная часть территории древней Бакоты была затоплена, что делает невозможным дальнейшее археологическое изучение соответствующих памятников [Винокур, Горішний, с. 150–244].

⁶ Бучинський Б. Кілька причинків до часів вел. князя Святирайла (1430–1433) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. 76. С. 132.

⁷ «Твердость» — это обычное выражение русскоязычных актов ВКЛ этого времени, часть их корроборации: «на твердость», то есть для утверждения документа, к нему прикладывалась печать [Груша, 2011, с. 262, 264–265]. В издании Н. Н. Улащика здесь неверно расставлены знаки препинания. Следует читать: «...и он прислал к князю Костентину клеитовные листы со великою твердостью, и прося его, штобы к нему приехал».

в данном отрывке говорится лишь об использовании этих «листов» в прошлом, но не об их содержании; никак не объясняется, почему речь идет о «листах» во множественном числе, а не в единственном⁸, а этого недостаточно, чтобы утверждать, что автор «Повести» знал их не понаслышке. Скорее в этом рассказе отразились воспоминания о поездках Кориатовичей к Казимиру, с которыми их связывали вассальные отношения: так, поездка Александра Кориатовича в Краков на похороны Казимира в 1370 г. позволила литовцам занять Владимир на Вольни, доверенный ему покойным королем [Михайловский, с. 47–63].

Красочному рассказу «Повести о Подолье» о сватовстве Константина практически не оставляют места и обширные сведения о потомстве и династической политике Казимира. Когда и к кому мог свататься Константин? У Казимира было пять законнорожденных дочерей: от первого брака, с дочерью Гедимина Анной⁹, — Эльжбета и Кунегунда, от четвертого, с Ядвигой Глоговской (Жаганской), — Анна, Кунегунда и Ядвига [Balzer, s. 682–696, 713–723, 970–971]. Если воспринимать рассказ «Повести» дословно, то в несостоявшейся невесте Константина пришлось бы видеть Эльжбету или Анну, а переговоры о браке относить ко времени соответственно до 1343 г. или в 1366–1367 г. (к этому времени обе дочери Казимира от первого брака уже умерли, так что Анна действительно было единственной его дочерью). Но в первом случае нет уверенности, что Кориатовичи уже появились на Подолье, во втором — брак Казимира, в котором родилась Анна, еще не считался законным, поскольку не был официально расторгнут его предыдущий, третий, брак с Кристиной Рокичаной; соответственно, незаконнорожденной считалась и Анна, так что непонятно, какой смысл имело вести переговоры о браке с ней¹⁰. Однако главное даже не в этом, а в том, что вопрос о наследнике Казимира на польском престоле с самого начала его правления осложнялся тем, что сестра Казимира Эльжбета была женой венгерского короля Карла Роберта Анжуйского, так что в случае смерти Казимира без мужского потомства венгерский король мог претендовать на польский престол. В 30-е или 40-е годы XIV в. эта перспектива была зафиксирована в специальном польско-венгерском соглашении. Дочери Казимира могли претендовать на польский престол не в первую очередь, а лишь случае каких-то экстраординарных обстоятельств [Wyrozumski, s. 202–221; Śliwiński, s. 30–35, 48–59; Szczur]. Подчеркну, что об этом уже должно было быть известно к моменту появления Кориатовичей на Подолье, каким бы временем ни датировать это событие. Попытки обеспечить право наследования польского престола дочерям Казимира в 1369 г. не принесли успеха [Śliwiński, s. 102–103]. На наследование престола решающее влияние оказывали взаимоотношения Казимира с Анжуйской династией и Люксембургами, правившими в Священной Римской империи. Всё это не позволяет воспринимать рассказ «Повести о Подолье» дословно. Можно строить разные более или менее убедительные предположения о реальной основе этого рассказа (например, о том, что брак Константина с одной из дочерей Казимира планировался уже при его преемнике Людовике Венгерском (1370–1382 г.)¹¹ или что какое-то время была возможность его женитьбы на одной из дочерей самого Людовика, которые за отсутствием мужского потомства действительно рассматривались как его наследницы [Dąbrowski, s. 318–

⁸ Выдача проезжей грамоты в Польше XIV в. принадлежала к числу регалий — королевских прерогатив. Королевскому документу мог сопутствовать отдельный документ его вельмож, но они могли дополнительно удостоверить и главную грамоту [Szweda, s. 88–114].

⁹ Ее языческое имя Альдона впервые появилось у М. Стрыйковского во второй половине XVI в. и укоренилось в историографии благодаря труду О. Бальцера о генеалогии Пястов [Tęgowski, 1999, s. 233–234].

¹⁰ В связи с этим предлагались и другие варианты датировки переговоров о браке Константина — до 1345 г. с Эльжбетой [Balzer, s. 688–694] или в 1368 г. [Tęgowski, 1999, s. 178].

¹¹ В связи с этим Я. Тенговский обращает внимание на слова баварского историка XV в. Андрея Регенбургского об обручении Людовиком дочери Казимира Ядвиги “ad raganismum”, хотя к кандидатуре Константина относится весьма сдержанно [Tęgowski, 1999, s. 178–179]. Об Андрее Регенбургском и его сведениях о Польше и Литве см.: [Ożóg].

371]), но всё это будут лишь допущения, слабо соотносимые с независимыми источниками. В свою очередь, сомневаться в исключительной верности Константина православию заставляет обращение Константина и Бориса Кориатовичей к папе римскому с просьбой учредить в Каменце католическое епископство¹².

Ошибка историков, стремившихся увидеть рациональное зерно в рассказе о сватовстве Константина, состоит в том, что они искали в нем отражение того, «как было на самом деле», и не пытались посмотреть на этот рассказ с литературной точки зрения, выяснить его происхождение и идейное содержание. Между тем еще А. Прохаска справедливо отметил параллель между сообщением «Повести о Подолье» о сватовстве Константина Кориатовича к дочери Казимира Великого и рассказом «Летописца великих князей литовских» о сватовстве Ягайла к Ядвиге. В обоих случаях один из Гедиминовичей рассматривает перспективы женитьбы на единственной дочери польского короля Казимира Великого, не имеющего сыновей, и занятия польского престола при условии принятия католицизма (автор «Летописца» ошибочно считал отцом Ядвиги Анжуйской Казимира Великого, а не Людовика Венгерского). Отсюда А. Прохаска заключал, что «Повесть» и «Летописец» написаны одним и тем же автором [Prochaska, s. 26]. Однако эта мысль польского историка вскоре была справедливо отвергнута, а вместе с ней забылось и его наблюдение, и теперь историки видят в рассказе о Константине либо лишь отражение приверженности книжника к православию [Кузьмин, с. 722–723; Nikodem, 2011, с. 152, примеч. 6], либо отголоски неких реальных фактов, только неправильно понятых и интерпретированных летописцем [Лицкевич, 2013, с. 18–19]. Между тем наблюдение А. Прохаски справедливо, но свидетельствует о другом — о знакомстве автора «Повести» с текстом «Летописца» и заимствовании из него с целью провести параллель, понятную и очевидную читателям «Повести», соединенную с реальной основой (поездка Константина к польскому королю). В результате в этом рассказе отчетливо видно идейное содержание, выраженное путем противопоставления этого князя Ягайлу. Отвергая предложение перейти в католицизм, Константин Кориатович отказывается не только от польского престола, но и от присоединения Подолья к Польше. С другой стороны, Ягайлу противопоставляется и Казимир, не лишенный положительных черт: он выдает Константину «клеитовные листы» — письменное подтверждение безопасного проезда, скрепленное печатью, и до конца соблюдает его: это подчеркнуто замечанием, что Константин «опять на тех же листах отехал до Подольской земли и на своем господарстве умерл». Здесь опять-таки читается упрек в адрес Ягайла и «ляхов»: последние после смерти Витовта вызывают Довгирда к себе «на раду» без всяких письменных гарантий, но не допускают до нее, а вместо этого арестовывают, грабят и занимают Каменец и Западное Подолье, тогда как польский король никак не препятствует неправомерным действиям собственных подданных. В моменты обострения отношений с Польшей, правящие круги ВКЛ относились к своим тамошним контрагентам с сильным недоверием, и одним из таких моментов было начало 30-х годов XV в., когда Свидригайло и его окружение всячески акцентировали вероломство поляков [Petrauskas, 2009, p. 66].

Отказавшись от предложения руки польской королевны в обмен на переход в католицизм, Константин, согласно «Повести», возвращается на Подолье, где спокойно оканчивает свои дни. Между тем его брат Юрий, принявший предложение занять молдавский престол и покинувший свою землю, трагически гибнет, отравленный «волохами». До конца не ясно, следует ли здесь видеть некую реальную основу, еще одну параллель поведению Ягайла (незавидная судьба правителя, оставившего свою землю во имя престола другой) или и то и другое (обзор историографии, в том числе румынской, см.: [Czamańska, s. 42–50]). Известие о

¹² Сохранился ответ на него папы Урбана VI (1378–1389 г.) [Abraham, s. 12–13].

гибели Александра Кориатовича в борьбе с татарами независимые источники не подтверждают, но и не опровергают.

После смерти Константина, Юрия и Александра Кориатовичей Подольем, согласно «Повести», завладел их брат Федор, до этого державший Новгородок. В этом сообщении Я. Тенговский отмечает два несоответствия современным источникам: во-первых, после смерти Кориата Новгородок перешел к Кейстуту, поскольку им владели его сыновья Войдат и Товтивилл; во-вторых, Константин стал править еще при жизни Федора, поскольку известно их совместное пожалование от 19 сентября 1388 г. [Tęgowski, 1999, s. 182–183, 200–201, 214–216] (впоследствии же Федор Кориатович действительно некоторое время правил в одиночку¹³). Изложение дальнейших событий — занятия Подолья Витовтом в 1394 г. — содержит ряд достоверных или, по крайней мере, правдоподобных элементов: сообщается о бегстве Федора Кориатовича в Венгрию, о помощи, оказанной им молдавским господарем Романом (согласно выводу Я. Тенговского, его жена Анастасия была сестрой Федора) [Tęgowski, 1993, s. 55; Tęgowski, 1999, s. 182–187]¹⁴. Правильно названы подольские замки, не вызывает возражений маршрут похода Витовта. При этом данный рассказ практически не содержит общих данных с «Летописцем великих князей литовских», за исключением самого факта похода на Подолье. Эти события изложены в «Повести» с «провитовтовой» точки зрения, отраженной и в «Летописце великих князей литовских». Согласно ей, Федор Кориатович не захотел быть послушен «Литовской земле», которую в данном случае воплощает Витовт, ставший «господарем». Между тем в 1392 г. Витовт получил от Ягайла лишь свою «отчину» — Трокское и Луцкое княжества и, как принято считать, должность наместника на литовских (в широком значении) землях. Как ни оценивать последующую ликвидацию крупнейших удельных княжений, означавшую устранение с политической арены потенциальных соперников Витовта, очевидно, что в случае Подолья интересы Витовта и Ягайла совпадали, поскольку сложившаяся незадолго до этого коалиция Федора Кориатовича, венгерского короля Сигизмунда Люксембургского и молдавского господаря Романа была фактически направлена против Ягайла [Tęgowski, 2004, s. 17]. В конце 1394 г. тот санкционировал занятие Витовтом Каменца и, по-видимому, оказал ему военную помощь [Tęgowski, 1997, s. 163–168; Tęgowski, 2006, s. 21–22] (что также пытается отрицать автор «Повести»). Таким образом, роль Витовта в «Повести» явно преувеличена. Утверждение, будто Подольская земля до вокняжения Витовта «послушна была» «Литовской земле», также не соответствует действительности: с королями Польши и Венгрии Кориатовичей связывали тесные отношения, в том числе вассальные [Kurtyka, 2011, s. 104–111; Михайловский, с. 47–63].

Рассказ о передаче Западного Подолья Витовтом Ягайлу и обратно на первый взгляд внушает доверие, поскольку в нем приводятся точные цифры: Витовт отдал Ягайлу половину Подолья за 20 тысяч «пенезей», тот передал ее в залог за ту же сумму Спытку Мельштынскому, а после его гибели в сражении на Ворскле попросил Витовта вернуть ему указанную сумму в обмен на возврат Западного Подолья, после чего великий князь Литовский отправил Ягайлу в два раза больше, чем тот просил, — 40 тысяч «пенезей». Указание точных сумм, а также историчность по меньшей мере одного из бояр, упоминаемых в этом эпизоде, — Немиры [Михайловский, с. 44] — ставит вопрос: не пользовался ли автор «Повести» документальными

¹³ Груша А. Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1–2.

¹⁴ О пребывании Федора в Венгрии см.: [Кобаль, с. 79–106]. К тому же дочь Гедимины Анна, жена Казимира Великого, приходилась прабабкой Сигизмунду Люксембургскому, и тот в своих грамотах называл бывшего подольского князя своим дядей — *avunculus* [Кобаль, с. 79, 109].

источниками? Акции, подобные описанной, в XV в. действительно оформлялись документами¹⁵. Но в данном случае подобные документы до нас не дошли, и не остается ничего иного, как искать подтверждения или опровержения данных «Повести» в независимых источниках. Цифра 40 тысяч коп грошей, названная литовским послом на польско-литовском съезде 1453 г., доказывает лишь то, что этот посол был знаком с версией, изложенной в «Повести о Подолье». Несколько загадочно выглядят «пенязи», в которых Витовт и Ягайло рассчитывались между собой. М. Ючас считал, что речь идет о золотых (*auksiniai*), а Я. Куртыка вслед за Яном Длугошем видел в «пенязях» гроши, в которых обычно велся денежный счет в ВКЛ в XV в. [Jučas, p. 37; Kurtyka, 2011, s. 116–117]. Остроумную гипотезу, основанную на данных о денежном обращении на Подолье, но, к сожалению, абсолютно не учитывающую текстологии летописей, выдвинули нумизматы О. Погорелец и Р. Саввов: Витовт и Ягайло рассчитывались между собой в подольских полугрошиках Кориатовичей, имелась в виду одна и та же сумма — 20 тысяч коп грошей, или 40 тысяч коп полугрошей, а вся акция преследовала цель вывести из обращения монеты, напоминавшие о недавнем правлении Кориатовичей на Подолье [Погорелец, Саввов]. Между тем слово «пенязи» в XV в., как правило, обозначало деньги вообще; пенязем также назывался литовский денарий — мелкая монета, чеканившаяся несколько лет в конце XIV в. и не получившая большого распространения (вскоре денарий был вытеснен из обращения пражским грошем) [Рябцевич, 1965, с. 127–128, 133–134; Рябцевич, 1995, с. 148–149; Гістарычны слоўнік, с. 80–81]. Иное дело — первая половина XVI в., к которой восходят древнейшие списки летописей ВКЛ, содержащие «Повесть»: в это время в Литве шла массовая чеканка денариев-«пенязей», и счет велся в основном в них. Однако счет в копах грошей также сохранялся [Рябцевич, 1995, с. 159–167], и это не позволяет думать, что «пенязи» возникли под пером переписчиков этого времени с целью устранить непонятный термин. Излишний энтузиазм в оценке этого отрывка «Повести» устраняют современные документы: сохранилась грамота Ягайла для Спытка Мельштынского, и из нее выясняется, что Винницу, а также Меджибож и Божск король оставил в своем распоряжении¹⁶, так что Витовт мог там «посажать» своих старост разве что с королевской санкции. Возможно, с этим как-то связана выплата вдове Спытка Эльжбете 2000 коп грошей с Подолья, произведенная королевским старостой этой земли Рафалом [Dwozaczek, s. 140; Kurtyka, 2011, s. 117].

Всё встает на свои места, если задуматься над целями автора «Повести» и средствами их достижения. Рассказ о судьбе Подолья в конце XIV в. показывает великодушие и могущество Витовта: хотя он «добыл» Подолье «литовскими силами, а никто ему ни с которых сторон не помогал», он откликается на просьбу короля и передает ему половину Подолья, а впоследствии отправляет ему вдвое больше денег против запрашиваемой суммы (40 тысяч «пенязей» вместо 20)¹⁷ и берет на себя тяжелую задачу обороны этой земли от татар. При этом Бог помогает Витовту, а не просто «попускает» его действия («Милый брате, дал тобѣ Бог, добыл еси Подольской земли», — говорит Ягайло), что санкционирует его права на Подолье. Не случайно в конце этого отрывка говорится, что Витовт «города своя опять поимал за себе (курсив мой. — С.П.)», — этим подчеркивается принадлежность ему Западного Подолья и временный характер передачи его Ягайлу [Węcowski, s. 119–121]. Витовт живет в согласии с Ягайлом, по его просьбе оказывает ему «честь», однако Ягайло сам не справляется с задачей обороны Подолья от татар, и Витовт соглашается взять ее на себя.

¹⁵ Так, сохранился документ Ягайла от 25 ноября 1417 г. о займе у Витовта (Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. № 215. С. 512–513).

¹⁶ SEV. № 115. S. 38; [Kurtyka, 2004, s. 161–162].

¹⁷ По этому поводу Я. Никодем замечает, что «таким образом могли вести себя лишь очень сильные и очень уверенные в себе правители» [Nikodem, 2011, с. 166, примеч. 59].

Следы использования документальных источников автором «Повести» А. Прохаска видел в обращениях Ягайла к Витовту: сначала польский король просит у великого князя заложить ему Западное Подолье, затем возвращает его. Однако и этот аргумент неубедителен: обращения Ягайла оформляются словом «рекучи», то есть именно как прямая речь, что вовсе не обязательно подразумевает наличие у летописца каких-то документов (иначе почему он не отметил их существования?) (ср.: [Дашкевич]). Такие подробности, как упоминание «малых детей» Спытка из Мельштына, оставшихся без отца после его пропажи без вести — как выяснилось впоследствии, гибели — в сражении на Ворскле в 1399 г. [Dworzaczek, с. 119, 138 и след.; Strzelecka, s. 414–415; Kiryk, s. 415–417], и необходимость защищать Подолье от татарских набегов, переданы автором «Повести» верно. Однако их не получается объяснить заимствованиями из каких-то других литературных произведений, в частности летописей: в летописных рассказах Спытко Мельштынский именуется «князь Спытко краковский», в «Повести» — «пан Спытко»; летописи называют место сражения — Ворсклу, тогда как в «Повести» говорится просто о «татарском побоище»¹⁸. Это заставляет думать, что данные подробности «Повести» восходят к устной традиции.

Сообщив о возвращении Ягайлом Западного Подолья Витовту, автор «Повести» перечисляет лиц, последовательно занимавших должность подольского старосты: это «дворянин Витовта» Грановский, литовские паны Георгий Гедигольд, Петраш Монтигирдович и Ян Довгирд. В «Грановском» ученые справедливо видят Винцентия из Гранова, который в Польше последовательно занимал должности калишского подстолия, нагельского каштеляна и генерального старосты Великой Польши. С этим регионом его связывало происхождение и владения, а с Подольем — брак с племянницей Спытка из Мельштына и наследницей богатого состояния Эльжбетой, заключенный в 1397 г.¹⁹ Какое-то время Винцентий действительно находился на Подолье: его имя фигурирует в нескольких документах, относящихся к этому региону [Kurtyka, 2004, s. 182–183]. Однако для оценки достоверности «Повести о Подолье» существенно, что Винцентий умер во второй половине 1410 г., а значит, быть подольским старостой Витовта никак не мог, поскольку Витовт получил Западное Подолье лишь в 1411 г. [Kurtyka, 2011, s. 124–125; Михайловський, с. 98–107]. Не фигурирует он в сохранившихся документальных источниках и как придворный Витовта [Petrauskas, 2006]. Известие «Повести» можно попытаться объяснить разными способами (например, тем, что Винцентий успел побывать Витовтовым старостой Восточного Подолья, или выполнял какие-то разовые поручения Витовта в этом регионе, или произошло смешение нескольких лиц), но все эти объяснения так и останутся в сфере гипотез. Важнее отметить интенцию автора «Повести», вложенную в упоминание Грановского, — подчеркнуть его связи не с польским королем или его вельможей, а с великим князем Литовским. Последующие старосты Подолья — Гедигольд, Петраш Монтигирдович и Довгирд — упоминаются в этой должности и в других источниках, в том числе документальных [Urządniczy podolscy, s. 119–120]. Заключительный эпизод с арестом Довгирда и захватом поляками Подолья подтверждается сообщением Яна Длугоша²⁰ и призван продемонстрировать их вероломство, о чем уже говорилось выше.

Когда же была написана «Повесть о Подолье»? Это произошло до мая 1448 г., и именно поэтому литовские послы на состоявшемся тогда съезде в Люблине оставили аргументы поляков без ответа [Błaszczuk, s. 818–820]. Судя по пересказу у Яна Длугоша, эти аргументы были сформулированы как возражение на литовскую версию истории региона. Если бы «Повесть»

---

¹⁸ См., например: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 384–386.

¹⁹ После смерти Винцентия Эльжбета в 1417 г. стала третьей женой польского короля Владислава Ягайла [Dworzaczek, s. 34–35].

²⁰ *Długosii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae, 2000. P. 309.*

была создана в 1449–1451 г., как считал А. Прохаска, то у ее автора должны были бы найтись возражения на такой веский аргумент польской стороны, как документ Сигизмунда Кейстутовича об уступке Подолья Польше 1432 г. Произведение было адресовано читателям из ВКЛ, знавшим «Летописец великих князей литовских». Это, очевидно, объяснялось намерением подготовить общественное мнение к возможной войне за Подолье. Но не менее важен и другой мотив — потребность сформулировать аргументы для дискуссий с польскими правящими кругами [Węcowski, s. 313]. Именно к этому вело развитие польско-литовских отношений в 1431–1432 г. Лишь при жизни Ягайла, то есть до 1434 г., имели смысл выпады в его адрес, отмеченные выше. Всё это свидетельствует, что «Повесть о Подолье» была написана в 1431–1432 г., несмотря на нелестный и не всегда точный контекст упоминания тогдашних союзников ВКЛ — Молдавии («волохов»), татар и Сигизмунда Люксембургского.

В отличие от второй части «Летописца великих князей литовских», «Похвалы Витовту» или «Смоленской хроники», в «Повести о Подолье» значительно слабее ощущается религиозная составляющая. Помимо рассказа об отказе Константина Кориатовича перейти в католицизм, можно вспомнить лишь слова, с которыми Ягайло обращается к Витовту: «Милый брате, дал тобѣ Бог, добыл еси Подольской земли...». Полное отсутствие нравоучительных отступлений и цитат из Священного Писания, с одной стороны, и вместе с тем нескрываемая симпатия к выбору Константина Кориатовича — с другой, позволяют заключить, что автор «Повести» был православным мирянином. Судя по замечанию, что Федор Кориатович, в отличие от правивших на Подолье братьев, «зде... Новгородок держал», произведение было написано в «Литовской земле», к которой в первой трети XV в. относили Новгородок²¹, а вовсе не в Смоленске, как предполагали некоторые исследователи [Smolka, s. 25–26; Ліцкевіч, 2012, с. 32; Jankauskas, 2013, p. 202], и тем более не на самом Подолье. Поскольку автор «Повести» был знаком с разновидностями документов, их оформлением и предназначением, то логично предположить, что он мог работать в качестве профессионального писца таких документов.

Можно ли вслед за рядом ученых утверждать, что «Повесть о Подолье» возникла в литовской великокняжеской канцелярии? Известно, что уже в конце XIV — первой трети XV в. у литовских господарей был архив, где хранились важнейшие документы, прежде всего имеющие реальную или потенциальную правовую силу, — договоры с соседними государствами, входящая корреспонденция, а отчасти (в черновиках и копиях) исходящая [Kosman; Ліцкевіч, 2010, с. 42–45; Šaraitė, s. 46–47], а также политико-исторические сочинения, такие как «Мемориал (Жалоба) Витовта»²². Собираание документов в великокняжеском архиве было строго подчинено актуальным политическим задачам. Так, ничего не известно о хранении в нем копий пожалований великого князя своим подданным, тем более частноправовых документов. Теоретически можно было бы допустить, что книжник, имея доступ к великокняжескому архиву, мог использовать хранящиеся там соглашения правителей, присяжные грамоты, послания, историко-политические сочинения. Другое дело, насколько реальной была такая возможность в условиях первой трети XV в.: еще в конце этого столетия и в начале следующего документ не имел бесспорного приоритета перед устным свидетельством, а, напротив, сам требовал подтверждения знающими людьми, понятие же о практическом значении, скажем, Литовской метрики лишь складывалось [Karalius, 2007; Karalius, 2008; Груша, 2010]. И хотя более быстрое утверждение письменной культуры отмечено именно в сфере внешней политики [Karalius, 2008, p. 183–184], в процессах начала

²¹ См., например: СЕУ. № 644, 688, 689.

²² «Мемориал Витовта» сохранился до наших дней в единственной рукописи в архиве великих магистров Тевтонского ордена (исторический Кёнигсбергский архив, в настоящее время находится в Берлине). Дословные совпадения текста «Мемориала» с первой частью «Летописца великих князей литовских» говорят о том, что «Мемориал» оставался в архиве Витовта и после его возвращения в Литву в 1392 г. (*Alminauskis K. Vytauto skundas // Archivum philologicum. Kaunas, 1939. T. 8. P. 219–224*).

XV в. против Тевтонского ордена доказательство литовцев всё ещё опирались на свидетельства «старых людей», а не на использование и критику документов, как у польской и орденской сторон [Petrauskas, 2008, p. 54–55, passim; Sieradzan; Adamska; Arguments and Counter-Arguments]²³. Примечательно, что и в самой «Повести» права ВКЛ на Подолье обосновываются не ссылками на документы, а «исконностью» его подчинения и освоения. Впрочем, следует подчеркнуть, что если бы такие ссылки и были, это ещё не давало бы оснований оценивать *каждое* свидетельство «Повести» как достоверное. Можно вспомнить пример Яна Длугоша, который ценил и по-новаторски использовал документы как источник сведений о прошлом [Nalewajek], но при этом, подобно своим «коллегам» и в отличие от историков XIX–XX в., не видел противоречия между «правдой» и собственными амплификациями [Borkowska, s. 66–67; Petrauskas, 2001, p. 209–214], не говоря уже о том, что память его нередко подводила.

В первой трети XV в. великокняжеская канцелярия не была ни единственным, ни главным центром летописания ВКЛ, поэтому есть смысл поискать место создания «Повести о Подолье» за ее пределами. На мой взгляд, она могла возникнуть в окружении виленского воеводы Георгия Гедигольда: его карьере уделено повышенное внимание — указано его пребывание в должности не только подольского старосты, но и впоследствии смоленского наместника. По-видимому, автор «Повести» был как-то связан с этим вельможей — возможно, ещё с тех времен, когда Гедигольд был подольским старостой²⁴. Известно, что у столь богатых, знатных и влиятельных вельмож были свои писцы [Petrauskas, 2003, p. 148]. Знакомство с подольскими реалиями — историческими (имена и последовательность местных правителей) и географическими (названия замков и их местоположение) — склоняет к мысли, что автор либо сам происходил с Подолья, либо жил там некоторое время. Более слабым было знакомство автора «Повести» с соседями этого региона: он упоминает татарских «отчичей и дедичей» этой земли, правильно называет польского короля «Казимиром Локотковичем» — сыном Владислава Локетка (этой подробности нет в «Летописце великих князей литовских»), но ошибочно полагает, будто «в него сына не было, только была одна дочка» (значит, его знаний было недостаточно, чтобы исправить ошибку «Летописца»); знает о молдавской и венгерской помощи Федору Кориатовичу, но полагает, что последнюю оказал «вгорский князь», а не король, которым с 1387 г. был Сигизмунд Люксембургский (союзник Свидригайла в момент создания «Повести»); вспоминает о необходимости обороны Подолья от татар, существовавшей в конце XIV в., но путается в реалиях польско-литовских отношений этого времени.

Устная память о недавних событиях охватывала примерно пять десятилетий. Разумеется, лучше всего человек помнил те события, свидетелем или участником которых был он сам. Однако и в этом случае память могла подвести, особенно если речь шла о таких подробностях, как датировка событий, размеры денежных сумм и т. п.²⁵ Чтобы составить всестороннее представление о более отдаленном прошлом, необходим был целенаправленный поиск знающих людей, чьи свидетельства позволили бы обосновать желаемую точку зрения. Остается неясным, каковы были возможности такой акции в условиях конфликта 1431–1432 г., когда политически активная часть населения Западного Подолья заняла пропольскую позицию. В памяти местного населения могли остаться основные вехи, «ориентиры», например имена правителей, к чьей эпохе

---

²³ В этих работах указана и более ранняя литература.

²⁴ Дополнительное подтверждение этой гипотезы можно видеть в том, что Гедигольд при Свидригайле «курировал отношения с поляками» [Lietuvos istorija, p. 390 (текст Р. Петраускаса)]. Без указания авторства мысль о причастности Гедигольда к созданию «Повести о Подолье» отмечена в работе: [Jankauskas, p. 202].

²⁵ Jasiński K., Tegowski J. Akta procesu joannitów śląskich z 1336 r. w sprawie sześćoletniej dziesięciny papieskiej // Prace Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Zeszyty Historyczne. 1998. Z. 5. S. 118–120 (примеры расхождений в показаниях свидетелей); [Гене, с. 92–99; Sieradzan].

приурочивались те или иные события или обычаи, либо военные походы²⁶. Могла бы «помочь» традиция какого-нибудь знатного подольского рода²⁷, но в «Повести» никаких ее следов не обнаруживается²⁸. В целом же категория «старины», на которую охотно ссылались и население ВКЛ, и сами великие князья, содержала очень выборочные и обобщенные воспоминания о прошлом, имела практическое назначение, «помнила то, что сохранялось неизменным, и должна была подтвердить существующее теперь» [Груша, 2012, с. 480–483 (цитата на с. 481)]. Это одна из причин тех неточностей, которые обнаруживаются при сравнении «Повести» с независимыми источниками. Другой причиной, очевидно, было сознательное «редактирование» истории Подолья. Так, автор «Повести» в удобном для ее заказчиков ключе интерпретировал поездку Кориатовичей к польскому королевскому двору. Сложно представить себе, чтобы человек, знакомый с прошлым этого региона, забывший Спытка Мельштынского или Винцентия Грановского, «забыл» правление Свидригайла в 1400–1401 г. Изложение истории Подолья в «Повести», как это часто бывало в Средневековье, служило практической цели — доказать права ВКЛ на весь этот регион, и эта идея пронизывает буквально все произведение.

Судя по дальнейшей судьбе «Повести о Подолье», она отвечала интересам не только литовского господаря и его приближенных, но и более широких общественных кругов, и эта заинтересованность, вопреки мнению Ф. Сушицкого [Сушицкий, с. 311], сохранялась еще долго. «Повести», вошедшей во Вторую и Третью летописные своды ВКЛ, а затем перешедшей в исторические труды М. Кромера, М. Бельского и М. Стрыйковского, повезло значительно

²⁶ Интересные сведения об этом дают показания во время судебных процессов. Так, в начале 40-х годов XV в. родунские бояре Круповичи, отстаивая свое боярство, ссылались на выслугу их деда Крупоса в походе Витовта «в Немцы» [Кананович, 2011, с. 140–141]. В 1462 или 1477 г. жемайтские бояре вспоминали поход Сигизмунда Кейстутовича на Мстиславль 1433 г. (*Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius. F 37–799*). В 1467 г. в ходе тяжбы с паном Олехном Судимонтовичем пан Юрий Зеновевич вспоминал события конца 1432 г., «когда великий князь Жикгимонтъ валчилъ зъ Швитригаиломъ» (*Lietuvos metrika. Kn. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 15 / Par. D. Antavičius ir A. Baliulis. Vilnius, 1998. № 215. P. 268*). В конце XV в. помнили о походах Сигизмунда Кейстутовича и Казимира Ягеллончика на Брянск 1436–1438 и 1449 г. соответственно (*Dubonis A. Idomesni dokumentai apie Lietuvos bajorus: bajorystės atsisakymas, gavimas ir gynimas (XV–XVI a. pirmoji pusė) // Lietuvos istorijos metraštis. 1998 metai. Vilnius, 1999. P. 174, 176; Lietuvos metrika. Kn. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 315. P. 206*).

²⁷ Именно на этой основе строились «Летописец великих князей литовских», Второй и Третий летописные своды ВКЛ [Petrauskas, 2008; Кананович, 2009].

²⁸ О. В. Лицкевич недавно связал создание «Повести о Подолье» с родом князей Несвицких: по его мнению, летописные произведения 30–40-х годов XV в. — вторая часть «Летописца великих князей литовских», «Повесть о Подолье» и свод 1446 г. — могли принадлежать перу Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима и гипотетического отпрыска рода князей Несвицких, другой представитель которого, Федор (Федько), как раз в 30-е годы был подольским старостой Свидригайла и активно защищал принадлежность региона к ВКЛ, пока в 1434 г. сам не перешел на сторону польского короля [Лицкевич, 2012, с. 16–18, 24–32]. Однако в основе этой гипотезы лежит методически некорректное стремление связать в единую цепь скупые и отрывочные данные сравнительно немногочисленных источников по истории ВКЛ конца XIV — XV в. Остается непонятным, чем объяснить различия в стилистике и тематике составных частей Первого летописного свода, почему их автором должен был быть именно тот митрополичий писец, имя которого упомянуто в граффито на стене константинопольской Софии (в окружении нескольких епископов не было других людей, способных создать литературное произведение?), почему Григорий и Григорьевичи из разных уголков страны непременно должны были быть родственниками, не говоря уже том, что Новгородок для автора «Повести о Подолье» находился «здесь», а архив Свидригайла в 1432 г. попал в руки Сигизмунда Кейстутовича и потому никак не мог быть использован сторонниками свергнутого господаря (*Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki. Cracoviae, 1891. S. X–XVIII; Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398–1437). 2. Aufl. / Hrsg. von E. Weise. Marburg, 1970. № 176. S. 192. § 7*). Правда, в «Повести» упоминаются подольские замки Винница и Соколец, принадлежавшие в 30-е годы XV в. подольскому старосте князю Федьку Несвицкому, а также Брацлав — один из центров его администрации (ср. его присяжную грамоту польскому королю и Короне от 7 августа 1434 г.: *Розов В. Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1. № 71*). Однако указание на то, что Витовт «посажал» на них своих старост, тогда как Винницкая волость, по словам самого Федька, входила в его вотчину, а также «отсутствие» его самого и его предков в произведении свидетельствуют, что автора интересовал не его род, а замки, игравшие важную роль в системе укреплений и администрации Подолья (ср.: [Kurdyka, 2008, s. 691–693]).

больше, чем погодным записям общерусского содержания, отброшенным уже при переходе от Первого ко Второму своду. «Повесть» обладала рядом достоинств: она представляла собой связанное, целостное повествование, посвященное ранней и героической истории ВКЛ, об интересе к которой в начале XVI в. свидетельствует возникновение легендарной части летописных сводов, и хорошо вписывалась в тенденцию героизации Витовта [Сушицкий, с. 44]. Поскольку Подольем на протяжении XIV–XV в. владели князья из разных ветвей династии Гедиминовичей, «Повесть» исходила (хотя и не совсем последовательно) из деперсонализованного понимания государства — «Литовской земли», и потому она оказалась востребованной в начале XVI в. Как свидетельствуют некоторые оригинальные подольские сюжеты «Хроники Быховца» первых десятилетий XVI в. [Gudmantas, 2011, p. 80–83, 90], маргиналии в Супрасльском списке Первого летописного свода ВКЛ²⁹, а также заметка, оставленная в Ольшевском списке Второго свода виленским ловчим Кшиштофом Добкевичем³⁰, интерес к подольскому сюжету сохранялся в обществе ВКЛ и во второй половине XVII в., хотя к этому времени не только Западное, но и Восточное Подолье давно перешло в состав Польского королевства.

Литература

- Белецкая О. В. Подолье и татары во второй половине XVI - первой половине XV в.: эволюция и даннические отношения // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гісторычныя дысцыпліны. Мінск, 2008. Вып. 4. С. 96-108.
- Винокур І. С., Горишній П. А. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994.
- Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 24: Паприца — Побужоньі. Мінск, 2005.
- Галенко О. Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 129–159.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Груша А. И. Доверял ли монарх своим подданным? (Из жизни общества Великого Княжества Литовского конца XV — первой трети XVI в.) // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2010. T. 2. P. 43–84.
- Груша А. И. Насколько полным должно быть описание печати при издании актовых источников эпохи Средневековья? // Сфрагистичний щорічник. Київ, 2011. Вып. 1. С. 259–297.
- Груша А. И. Письменная культура конца X — первой трети XVI в. // Полоцк. Минск, 2012. С. 468–488.
- Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 5. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII в. Львів, 1905.
- Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 100–111.
- Канановіч У. Арыстакратычны род і сацыяльная памяць у Вялікім княстве Літоўскім у познім Сярэднявеччы // Silva rerum nova. Штудыі ў гонар Георгія Я. Галенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 133–145.
- Канановіч У. Вялікая Пруская вайна 1409–1411 гг. у гістарычнай памяці рыцарскага саслоўя Літвы і Русі ў эпоху Рэнесансу // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст. Саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Мінск, 2011. С. 140–150.
- Кобаль Й. Федір Корятович у світлі нових джерел // Carpatica — Карпатика. Вып. 32: Науковий збірник, присвячений світлій пам'яті педагога і вченого Томаша Сопка. Ужгород, 2005. С. 75–115.

²⁹ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 115. Ед. хр. 143. Л. 104 об. (на левом поле напротив имени «Коутлоубоугоу» почерком XVII в. помечено: «Котлубугу»), 105 об. (на левом поле напротив повествования о строительстве каменных городов почерком XVII в. помечено: «Каменеу Подол(ь)скии | и иные мѣста | подол(ь)ские през | кого (?) будованы»).

³⁰ Маргиналии К. Добкевича характеризуют его как «сторонника государственности Литвы». Примерно в 80-е или 90-е годы XVII в. он подарил Ольшевскую рукопись Михайлу Довмонту-Сесицкому — минскому, а впоследствии мстиславскому воеводе (Первый Литовский статут. Вильнюс, 1983. Т. 1. Ч. 1. С. 144–146, цитата на с. 145; [Urządniczy Wielkiego Księstwa Litewskiego, s. 124]).

- Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. I: Всеволож Заболоцкие, Волинские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 701–783.
- Лицкевич О. Достоверность фрагмента «Повести о Подолье» о предполагавшемся браке между подольским князем Константином Кориатовичем и дочерью польского короля Казимира // III Міжнародна наукова конференція «Україна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі». 16–19 жовтня 2013 р. Кам'янець-Подільський. Тези доповідей. Київ, 2013. С. 16–19.
- Лицкевич А. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) // Arche. 2010. № 10. С. 39–123.
- Лицкевич А. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» // Arche. 2012. № 3. С. 8–52.
- Маслова С. А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27–40.
- Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI століття. Київ, 2012.
- Мыц В. Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтатни мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Дмитрий // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 245–256.
- Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Известия Академии наук СССР. 1930. № 9. С. 709–738.
- Плaменицька Є. М. Про час заснування Кам'янець-Подільського замку-фортеці // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 124–144.
- Погорелец О., Саввов Р. «Подольский полутрошок» и упоминания о нем в литовско-русских летописях // Pieniądz – kapitał – praca – wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Słowacja – Ukraina. Materiały z VIII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej. Białystok – Augustów, 18–21 września 2008 r. Warszawa, 2006. S. 52–59.
- Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV–XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 121–134.
- Рябцевич В. Н. Нумизматика Беларуси. Минск, 1995.
- Сушицький Ф. П. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1930.
- Шабунько Ф. М. Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). № 1. Київ, 2000. С. 57–74.
- Abraham W. Założenie biskupstwa łacińskiego w Kamieńcu Podolskim // Księga pamiątkowa Uniwersytetu Lwowskiego. Lwów, 1912. S. 3–39.
- Adamska A. Waging War and Making Peace with Written Documents: The Kingdom of Poland against the Teutonic Knights (1411–1422) // Strategies of Writing. Studies on Text and Trust in the Middle Ages. Turnhout, 2008. P. 263–275.
- Arguments and Counter-Arguments. The Political Thought of the 14th–15th Centuries during the Polish-Teutonic Order Trials and Disputes / Ed. by W. Sieradzan. Toruń, 2012.
- Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 2005. Wyd. 2.
- Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą. Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenių. Vilnius, 1975.
- Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań, 2007.
- Borkowska U. Historiograficzne poglądy Jana Długosza // Długossiana. Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. Kraków, 1985. S. 45–71.
- Bratianu G. I. Deux études historiques. II. Demetrius princeps tartarorum (ca. 1360–1380) // Revue des Études roumaines. Paris, 1965. T. IX–X. P. 39–46.
- Czamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV w. Poznań, 1996.
- Čapaitė R. List, jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda // Studia Źródłoznawcze. Warszawa, 2012. T. 50. S. 41–56.

- Dąbrowski J. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego (1370–1382). Kraków, 1918.
- Dworzaczek W. Leliwici Tarnowscy. Z dziejów możnowładztwa małopolskiego, wiek XIV–XV. Warszawa, 1971.
- Gudmantas K. Bychoveco kronikos pasakojimas apie Žalgirio mūšį. Šaltiniai ir kontekstas // Senoji Lietuvos literatūra. Vilnius, 2011. Kn. 31. P. 65–92.
- Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1987.
- Jankauskas V. Konferencija “Vidurio Rytų Europa mūsų prie Mėlynųjų Vandenių metu” // Lietuvos istorijos metraštis. 2012 m. Vilnius, 2013. T. 1. P. 201–202.
- Jučas M. Lietuvos metraščiai ir kronikos. Vilnius, 2002.
- Karalius L. Vieno atvejo tyrimas, arba kam buvo naudojamos Kazimiero Jogailaičio *dovanojimų knygos* Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje? // Praeities pėdsakais. Skiriama Profesoriaus daktaro Zigmanto Kiaupos 65-mečiui. Vilnius, 2007. P. 101–117.
- Karalius L. Lietuvos metrikos knygų vaidmuo Aleksandro Jogailaičio kanceliarijoje (problemos aktualumas ir tyrimo perspektyvos) // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2008. T. 1. P. 175–217.
- Kiryk F. Melsztyński Spytek h. Leliwa (1398–1439) // Polski słownik biograficzny. Wrocław i in., 1975. T. XX/3. Zesz. 86. S. 415–417.
- Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda // Archeion. 1967. T. 46. S. 129–138.
- Kuczyński S. M. Sine Wody. Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r. // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. S. 135–180.
- Kurtyka J. Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 roku // Rocznik Przemyski. 2004. T. 40. Zesz. 4: Historia. S. 127–269.
- Kurtyka J. Wierność i zdrada na pograniczu. Walki o Braclaw w latach 1430–1437 // Historia vero testis temporum. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Krzysztofowi Baczkowskiemu w 70. rocznicę urodzin. Kraków, 2008. S. 675–714.
- Kurtyka J. Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji // Kurtyka J. Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011. S. 91–160.
- Lietuvos istorija. T. 4. Nauji horizontai: dinastija, visuomenė, valstybė. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1386–1529 m. Vilnius, 2009.
- Łowmiański H. “Lustracja ziemi kijowskiej z 1471 r.” o stosunkach społeczno-gospodarczych na kresowej Ukrainie // Społeczeństwo – gospodarka – kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa, 1974. S. 185–195.
- Nalewajek A. Dokument w *Rocznikach* Jana Długosza. Lublin, 2006.
- Nikodem J. Wiarygodność *Latopisu wielkich książąt litewskich* // Antyk, prawda i fałsz w Średniowieczu. Materiały Seminariów Mediewistycznych im. Alicji Karłowskiej-Kamzowej. Poznań, 2011. S. 151–166.
- Ożóg K. “Bawarski Liwiusz”. Andrzej z Ratyzbony i jego zainteresowania Polską w pierwszej połowie XV wieku // Świat Średniowiecza. Studia ofiarowane Prof. Henrykowi Samsonowiczowi. Warszawa, 2010. S. 745–760.
- Petrauskas R. Istoriskumas // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra. Tyrinėjamai ir vaizdai. Vilnius, 2001. P. 207–217.
- Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003.
- Petrauskas R. Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje – XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis. 2005. T. 1. Vilnius, 2006.
- Petrauskas R. Užmirštas karalius: Mindaugas LDK visuomenės savimonėje XIV a. pabaigoje – XVI a. // Mindaugas karalius. Vilnius, 2008. P. 51–63.
- Petrauskas R. Lenkijos – Lietuvos unija ir lenkų – lietuvių diduomenės ryšiai: realios unijos link // Lietuvių – lenkų santykiai amžių tekmeje: Istorinė atmintis. Stosunki polsko-litewskie na przestrzeni wieków: Pamięć historyczna. Vilnius, 2009. P. 60–75.
- Prochaska A. Latopis litewski. Rozbiór krytyczny. Lwów, 1890.
- Sieradzan W. Świadomość historyczna świadków w procesach polsko-krzyżackich w XIV–XV wieku. Toruń, 1993.

- Śliwiński J. Powiązania dynastyczne Kazimierza Wielkiego a sukcesja tronu w Polsce. Olsztyn, 2000.
- Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa litewsko-ruskiego. Rozbiór krytyczny. Kraków, 1889.
- Strzelecka A. Melsztyński Spytek (Spytek z Melsztyna) h. Leliwa (zm. 1399) // Polski słownik biograficzny. Wrocław i in., 1975. T. XX/3. Zesz. 86. S. 414–415.
- Szczur S. W sprawie sukcesji andegaweńskiej w Polsce // Roczniki Historyczne. R. 75. Poznań, 2009. S. 61–104.
- Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009.
- Šabuldo F. M. Lietuvos ir Ordos kondominiumas Ukrainos žemėse XIV a. // Lietuvos istorijos metraštis. 2004. T. 2. Vilnius, 2005. P. 5–26.
- Tęgowski J. Powiązania genealogiczne wojewodów mołdawskich Bogdanowiczów z domem Giedyminowiczów w XIV–XV wieku // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. Poznań, 1993. T. 3. S. 45–66.
- Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. Kraków, 1997. T. 5. S. 155–176.
- Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999.
- Tęgowski J. Między Litwą, Polską i Węgrami. Problem politycznej przynależności Podola w końcu XIV i w początkach XV wieku // Pamiętnik Kijowski. T. 7. Polacy na Podolu. Kijów, 2004. S. 13–23.
- Tęgowski J. Polityka południowo-wschodnia Władysława Jagielly ze szczególnym uwzględnieniem małżeństw dynastycznych // Поляки на півдні України. Polacy na południowej Ukrainie. Odessa; Opole; Olsztyn, 2006. S. 18–27.
- Urzednicy podolscy XIV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. E. Janas, W. Kłaczewski, J. Kurtyka, A. Sochacka. Pod red. A. Gąsiorowskiego. Kórnik, 1998.
- Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2004.
- Węcowski P. Mazowsze w Koronie. Propaganda i legitymizacja władzy Kazimierza Jagiellończyka na Mazowszu. Kraków, 2004.
- Wyrozumski J. Kazimierz Wielki. Wrocław, 1986.